

**Андрей
КОНОПЛЯНИК,**
эксперт
Комитета Госдумы
по экономической
политике

Два пути к бездефицитному бюджету

Стало расхожим фактом утверждение, что одна из основных целей политики финансовой стабилизации — бездефицитный бюджет. Идти к достижению этой цели можно двумя путями: фискальным и инвестиционным.

Фискальный путь предполагает перенос налогового бремени на производителей. За счет этого ожидается получить немедленное увеличение притока финансовых средств в бюджет. При этом, правда, многие производители будут либо разорены, либо вытеснены в зону «серого» бизнеса, при котором налоги просто не платятся (риск неплаты налогов становится равен разорению, следующему за их выплатой). Возникает множество других проблем — неплатежи, вывоз капитала за рубеж и т.п.

Инвестиционный путь предполагает уменьшить налоговое давление на производителя для увеличения поступлений в бюджет. Но никакого парадокса здесь нет: ослабление налогового пресса создает предпринимателям стимулы для производства и тем самым расширяет базу налогообложения. Таким образом, сокращение нормы налогообложения ведет к увеличению массы уплачиваемых в бюджет налогов.

Конечно, здесь есть одна проблема: между сокращением налогов и получением эффекта от этого шага лежит некий временной интервал, в течение которого предпринимателям потребуется, во-первых, поверить в то, что этот шаг не является для них очередной ловушкой, и, во-вторых, «запустить» соответствующие инвестиционные проекты. Не думаю, чтобы это запаздывание было велико. Очевидно, в первую очередь деньги будут вкладываться в мелкотоварное производство, в некапиталоемкие проекты, ориентированные в первую очередь на конечного потребителя, в сферу услуг, и уже затем волна инвестиций распространится на более капиталоемкие проекты в отраслях обрабатывающей и добывающей промышленности.

О том, как можно решать проблему такого выбора, — в следующей колонке.

У знакомого порога

Банкам и предприятиям нужен третий, чтобы они наконец договорились и в стране начался инвестиционный подъем.

Россия, по разным оценкам, занимает от 96 до 126 места в мире по инвестиционной привлекательности. Банки не станут инвестировать в отечественную промышленность, у них у самих денег нет: до 70% невозврата плюс колоссальная задолженность друг другу. Возвращать крупные капиталы из-за границы бессмысленно и рискованно, лучше получать там гарантированный банковский процент с вклада. Серьезные вложения в российскую промышленность сейчас вообще невозможны. Все это такие расхожие экономические страшилки, которыми любят пугать сугубые теоретики.

Сами потенциальные инвесторы куда оптимистичнее и признаются, что их капиталам плохо и за границей, и в родной стране на крохотном сырьевом пятнышке. Они догадываются, что уже есть какие-то точки для вложений, только не знают — где. Думаю, не врут. Большое количество моих друзей славно живет за счет оценки инвестиционных проектов. Раз денежные мешки платят большие деньги, стало быть, это им действительно нужно. Подтверждают — нужно. Инвестиционным предприятиям они не очень-то доверяют, поскольку не сильно верят директорам, которые-де, даже зная рыночную конъюнктуру, не расстаются с мечтой возобновить в полном объеме и первоначальном виде производство своей продукции времен застоя. Такая у них генетическая память.

Сдается, а в памяти одной дело. Новый продукт требует больших усилий и не вмиг даст эффект. Лучше уж, если деньги придут, оставить все как есть и зарплату заплатить. Это скорее от бедности, а не от генетики.

Но так или иначе мы, в четвертый раз добравшись до порога, за которым инвестиционное оживление и подъем, рискуем снова его не оплыть, на этот раз из-за того, что банкир с директором никак не договорятся. А других причин не видно: ответственность уже реформирована достаточно, законодательная база приличная, в экономике относительная стабильность, структура политической власти вполне соответствует проведению реформы. И деньги для инвестиций все-таки есть. А вот — поди ж ты, экономика стоит враскоряку из-за мечтаний директоров.

Впрочем, банкиров тоже упрекают в дурной наследственности, в привычке к легким деньгам. (Да кто бы они были, если бы отказывались от легких денег?) Особенно достается консорциуму банков, пожелавшему скупить у государства пакеты акций предприятий по дешевке. А вы знаете, какова рыночная цена этих акций? И я — нет. С другой стороны, не очень верится в радостный прогноз, что банки сейчас все купят и начнут всем эффективно управлять. Думаю, не будут. Проверено. В период ваучерной приватизации, скажем, МЕНАТЕП хорошо «навалялся» в машиностроение — чего ж не взять, раз дешево? Когда же выяснилось, что дальше надо реструктурировать пакеты, то есть сбросить акции каких-то предприятий, а в остальные предприятия вкладывать и вкладывать, МЕНАТЕП к такому повороту дел оказался не готов.

Не вижу оснований полагать, что к такому повороту дел готов хоть какой-то из банков консорциума. Да они и не скрывают своих намерений: отдать мешок денег за мешок акций, поставить мешок в угол и выдуть, что поликвидней. А остальное пусть лежит. Поэтому выдвинутая в ответ формула «чемодан — на чемодан», предполагающая строгую договоренность и взаимные обязательства по каждому пакету как со стороны государства, так и со стороны покупателя, выглядит очень разумной. Более того, мне кажется, что подобный путь может наконец соединить промышленный и финансовый капитал. Получив акции не только сырьевых компаний, но и предприятий «ненитересных» отраслей, банки волею-неволею куда шустрей, чем сегодня, начнут искать того, кого данная отрасль в самом деле интересует и кто в ней разбирается. Появление фигуры профессионала, нацеленного на подъем производства, не боящегося директорского лукавства, и может переломить ситуацию. Под его присмотром директора бросят мечтать о прекрасном и несбыточном, а займутся освоением новой перспективной продукции. Банкирам станет ясно, куда вкладывать. Может, не останемся на этот раз снова ни с чем, тоскливо взирая на знакомый порог, а все-таки перепрыгнем?

■ Мария БОГАТЫХ